

1

Овчарня Арканю,
23 августа 1989

— Кло! Кло!

*Ты делаешь мою жизнь невыносимой, скоро я сбе-
гу от тебя!*¹

— Кло!

Клотильда нехотя сняла наушники. Голос Ману Чао² и запылы *Mano Negra* стрекотали в тишине разогретых горячих камней не громче цикад за стенами овчарни.

— Да, что?

— Пора...

Она вздохнула и осталась сидеть на скамье, сбитой из шершавой половины ствола. Окружающий мир мало ее интересовал, когда она устраивалась в непри-
нужденной, почти провокативной позе, прислонялась спиной к каменной стенке и отбивала ногой ритм под *Mano Negra*. Тетрадь на коленях, ручка в руке, мысли

¹ Слова из песни *Mala vida* («Жизнь невыносима», *исп.*) французской анархо-панк-рок-группы *Mano Negra* («Черная Рука»). — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Ману Чао (р. 1961) — французский музыкант испанского происхождения. В 1986—1995 гг. был лидером группы *Mano Negra*, с которой исполнял взрывной рок — *encabronado*, как определял сам Ману. В 1998 г. начал сольную карьеру.

витают где-то далеко, она свободна... И совсем не похожа на чопорных корсиканских родственников.

Клотильда сделала громче. Эти музыканты — боги! Она бы душу заложила, чтобы перенестись на концерт *Mano Negra*! Стоять у самой сцены, в мгновение ока повзрослеть на три года и вырасти на тридцать сантиметров. Дергаться в танце, трясая большой грудью, обтянутой пропотевшей черной футболкой.

Клотильда открыла глаза. Никола все еще стоял перед ней и выглядел раздосадованным.

— Кло, тебя все ждут. Папа не станет...

Он был на три года старше, ему уже исполнилось восемнадцать. Со временем может стать адвокатом. Или профсоюзным деятелем. А может, посредником Группы вмешательства¹, который ведет переговоры с налетчиками, взявшими заложников в банке. Никола обожал демонстрировать, что ему все нипочем. Это внушало ему иллюзию, что он самый крутой, умный и надежный человек на свете. Такой навык в будущем точно пригодится.

Клотильда перевела взгляд на мыс Ревеллата. Луна, прилепившаяся к темному бархату небес, отражалась в море. Клотильде захотелось снова сомкнуть веки и телепортироваться на другую планету. Сделать это легче легкого.

Скоординироваться.

Раз, два, три... занавес!

Нет, нужно воспользоваться последними свободными минутами и дописать в дневнике, пока мечта не улетучилась. Оставить след из слов на белой странице — неотложная необходимость. Главное в жизни.

Моя мечта творится совсем рядом, на пляже Ошелучча, но в далеком будущем. Я узнала утесы, песок, форму бухты, но не себя. Я стала старухой. Бабушкой!

¹ Элитное антитеррористическое подразделение Национальной жандармерии Франции.

Сколько времени прошло? Две минуты? Клотильда сочинила десять строк, отзвучала *Rock Island Line*¹. У *Mano Negra* все песни недлинные.

Но папа воспринял это как вызов. И зря. На сей раз она никого не провоцировала. Он вцепился ей в руку. Сбил наушники. Правый запутался в черных, склеившихся от геля волосах. Ручка упала в пыль, тетрадь осталась валяться на скамейке. Клотильда не успела сунуть ее в сумку или хоть спрятать.

— Мне больно, папа, черт...

Он даже не поморщился. Остался холодным и невозмутимым, как кусок пакового льда, заплывший в Средиземное море.

— Живей, Клотильда. Мы уезжаем в Придзуну². Все ждут только тебя.

Волосатая мужская рука потянула за запястье. В голую ногу вонзилась колючка. Оставалось надеяться, что бабуля Лизабетта заберет тетрадь, но читать не станет, ей можно доверять.

Только ей...

Отец протащил Клотильду несколько метров, потом слегка подтолкнул в спину, а сам остался сзади. Так взрослые страхуют малышей, делающих первые шаги. Все святое семейство, сидевшее за столом во дворе овчарни, молча наблюдало за происходящим. Восковые лица, пустые винные бутылки, букеты увядших желтых роз. Дедушка Кассаню, бабушка Лизабетта, клан... Филиал музея Гревен³. Инсталляция «Корсиканцы, неизвестные кузены Наполеона». Клотильда героическим усилием сдержала смех.

¹ «Линия Рок-Айленд» (*англ.*) — фолк-песня, предположительно написанная в конце 1920-х гг. в тюрьме Арканзаса неким Келли Пейсом, входила в репертуар многих рок-музыкантов.

² Деревня в коммуне Галэрия, кантон Кальви, департамент Верхняя Корсика, остров Корсика, Франция.

³ Музей Гревен — парижский музей восковых фигур на бульваре Монмартр, открылся в 1882 г. Назван в честь создателя первых фигур Альфреда Гревена.

Папа, конечно, никогда ее не ударит, но до конца каникул еще пять дней, так что придется вести себя поаккуратней, чтобы плеер, наушники и диски не отравились плавать по морю. Изобразим пай-девочку, иначе прощай, дневник. Если она хочет снова увидеть Наталя, Орофина, Идриль¹, их детенышей-дельфинчиков и иметь достаточно свободы, чтобы следить за бандой Николя и Марией-Кьярой, следует притвориться «умницей».

Клотильда поняла предупреждение и шустро дошла до машины. Изменения в программе, мы едем в Придзуну? Ладно, она будет слушать корсиканскую полифонию² в часовне, затерянной в зарослях макки³. Пожертвовать вечером несложно, а вот самолюбием...

Клотильда увидела, как дедушка Кассаню встал из-за стола и посмотрел на папу, а тот сделал ему знак — мол, все хорошо. Взгляд деда почему-то напугал ее. Сильнее, чем всегда.

«Фуэго» стоял на дороге в сторону мыса Ревеллата, мама и Николя уже сели, он подвинулся, освобождая сестре место на заднем сиденье рядом с собой, и понимающе ухмыльнулся. Посещение концерта в забытой всеми святыми церкви, на котором так настаивал папа, досаждало Николя ничуть не меньше, чем Клотильде.

Даже больше. Намного больше. Но притворялся он отлично. Возможно, когда-нибудь он станет президентом республики, как Миттеран, и будет семь лет⁴

¹ Дельфины носят имена эльфов — героев произведений Дж. Р. Р. Толкина.

² Корсиканское многоголосое пение.

³ Маккия, маквис, макí — заросли вечнозеленых жестколистных и колючих кустарников и невысоких деревьев (мирт, олеандр, земляничное дерево, дикая фисташка и др.), характерных для Средиземноморья.

⁴ По Конституции Французской Республики 1958 г. срок президентских полномочий составлял 7 лет, с 2002 г. — 5 лет.

стойко сносить все трудности, чтобы переизбраться на новый срок и следующие семь лет снова наслаждаться властью.

Папа ехал быстро. Так часто бывало с тех пор, как у него появился красный «фуэго». Он всегда превышает скорость, когда нервничает. Безмолвная ярость. Этот чертов концерт мечтал послушать только глава семьи. Сейчас он, должно быть, мысленно ворчал на неблагодарных отпрысков и жену, которая их защищает, и сожалел о забытых островных корнях, о культуре народа, уважении к родовому имени, терпимости и терпении. «В кои веки раз попросил посвятить мне один вечер — и то решили покочевряжиться!»

Мелькали повороты. Клотильда снова надела на ушики. Она всегда побаивалась корсиканских дорог, даже днем — особенно днем, когда навстречу летела легковушка или автодом. Горные дороги на этом острове — безумный аттракцион! «Папа гонит, чтобы взбодриться, или не опоздать, или занять места в первом ряду под каштанами, но если на дорогу выскочит коза, кабан или любая другая зверушка, нам конец...»

Никакая четвероногая тварь на дорогу не выскочила. Во всяком случае, Клотильда никого не заметила. Жандармы тоже отбросили эту версию.

Это был узкий поворот за мысом Ревеллата, в конце длинного прямого участка дороги по карнизу над двадцатиметровым провалом Петра Кода.

При свете дня вид отсюда открывался головокружительный.

«Фуэго» на полном ходу врезался в ограждение.

Три доски, отделявшие дорогу от бездны, сделали что смогли: поцарапали буфер, вдребезги разбили фары, треснули.

И разломились.

Машина продолжила двигаться по прямой, как герой рисованных мультиков, который бежит-бежит-бежит в пустоте, останавливается, с изумлением

смотрит под ноги, ударяется в панику... и камнем летит вниз.

Клотильда это почувствовала. Поняла, что колеса «Фуэго» не касаются земли. Что реальный мир исчезает, растворяется. Как пробел в мозгу — нечто, что не может случиться, не взаправду, не с ними, не с ней.

Она думала об этом долю секунды, потом мир взорвался и автомобиль дважды ударился о скалы. Голова и грудная клетка папы раскололись от столкновения с рулем, когда машина в вертикальном полете начала биться о камни. Во время второго кульбита «Фуэго» налетел на острый выступ, тот пробил дверцу и мамину грудь. На третьем крыша раскрылась над ними, как стальная челюсть.

Последний удар.

Машина замерла в шатком равновесии в десяти метрах над спокойной морской гладью.

И наступила тишина.

Николя сидел рядом. С прямой спиной. Пристегнутый.

Он никогда не станет не только президентом, но даже профсоюзным лидером на каком-нибудь занюханном предприятии. Убит. Стал жертвой «наковальни». Скорлупа, воробьиный хрящик, схрумканный чудовищем. Искореженная крыша превратила брата в тряпичную куклу.

Он смотрит в вечность закрытыми глазами.

Раз, два, три. Занавес!

Странно, но у Клотильды ничего не болело. Позже жандармы объяснили, что машина перевернулась трижды и три удара о камни убили трех пассажиров. Как киллер, у которого в револьвере оказалось всего три пули.

Она весила килограммов сорок, не больше, и сумела выбраться через разбитое окно, не порезав ни руки, ни ноги, не порвав платье, и, не осознавая, что делает, начала карабкаться наверх.

Она никуда не ушла. Опустилась на землю и уставилась на тела, залитые кровью и бензином, на мозги, вывалившиеся из черепных коробок. Минут через двадцать ее обнаружили жандармы, пожарные и десятки спасателей, прибывшие на место аварии.

У Клотильды было сломано запястье, треснули три ребра, вылетела коленная чашечка... Ерунда.

Чудо.

— Ничего страшного, — сказал старый врач, склонившись над ней в синеватом свете полицейских фар. — Так-то вот!

Ничего?

Ничего — это все, что у нее осталось.

Папу, маму и Николая упаковали в длинные белые мешки для мусора. Люди бродили между красными скалами, вглядываясь в землю, как будто искали разбросанные части тел.

— Нужно жить, мадемуазель, — сказал молодой полицейский, набросив на плечи Клотильде серебристое термоодеяло. — Жить ради них. Чтобы помнить.

Она посмотрела на него, как на придурка или на кюре, вещающего о рае. Между тем он был прав. Забываются даже худшие воспоминания, если нагромоздить сверху много других. Даже те, что обескровили вам сердце и иссушили мозг, даже самые интимные.

Потому что окружающим нет до них дела.